

Особенности идентичности и совладание с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении

Ю.Ф. Чинарёва¹ ✉, Л.А. Александрова^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ yuliachinareva@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Многие российские усыновители выбирают сокрытие факта усыновления от приемного ребенка, руководствуясь наличием в семейном кодексе РФ статьи о тайне усыновления. Даже после достижения совершеннолетия и смерти приемных родителей усыновленный не вправе получить сведения о своих биологических родителях без согласия усыновителей. В контексте роста числа усыновлений перед наукой встает задача исследования психологических последствий тайны усыновления и ее раскрытия во взрослом возрасте. **Цель.** Исследовать устойчивость идентичности взрослых, узнавших о своем усыновлении, как фактор совладания с травматическим опытом. **Гипотеза.** Существуют статистически значимые взаимосвязи между особенностями совладания с психотравмирующей ситуацией, связанной с раскрытием тайны усыновления, и устойчивостью идентичности взрослых, узнавших о своем усыновлении. **Дополнительные гипотезы:** 1) о наличии у взрослых усыновленных статистически значимых различий в зависимости от особенностей раскрытия тайны усыновления; 2) о различиях между взрослыми, узнавшими о своем усыновлении, и взрослыми без опыта усыновления. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие в качестве основной группы ($n = 61$) взрослые, узнавшие о своем усыновлении ($M = 37,0$; $SD = 9,6$; 90,2% женщин), и в качестве контрольной группы ($n = 62$) взрослые без опыта усыновления ($M = 43,1$; $SD = 10,5$; 82,3% женщин). Для оценки идентичности использовалась методика «Индекс устойчивости идентичности» в адаптации Я.А. Соловьевой и М.А. Одинцовой. Особенности совладания с травматическим опытом оценивались с помощью батареи методик. **Результаты.** Выявлены статистически значимые взаимосвязи между особенностями совладания с психотравмирующей ситуацией, связанной с раскрытием тайны усыновления, и устойчивостью идентичности взрослых, узнавших о своем усыновлении; статистически значимые различия в выраженности показателей устойчивости идентичности и посттравматического роста в зависимости от особенностей раскрытия тайны усыновления внутри группы взрослых усыновленных, а также между взрослыми,

узнавшими о своем усыновлении, и взрослыми без опыта усыновления. **Выводы.** Устойчивость идентичности в группе лиц, узнавших о своем усыновлении во взрослом возрасте, значительно отличается от группы, не имеющей опыта усыновления. Она по-разному коррелирует с показателями совладания с травматическим опытом, к которому относится и раскрытие тайны усыновления во взрослом возрасте, в зависимости от наличия или отсутствия подозрений о своем усыновлении. Результаты исследования будут полезны не только ученым и профессиональным психологам, но и специалистам в сфере семейного устройства и замещающим родителям при выборе стратегии в вопросе тайны усыновления.

Ключевые слова: тайна усыновления, взрослый, узнавший о своем усыновлении, приемный ребенок, устойчивость идентичности, психологическая травма, совладание, посттравматический рост

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Сообщество взрослых усыновленных.

Для цитирования: Чинарёва, Ю.Ф., Александрова, Л.А. (2026). Особенности идентичности и совладание с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении. *Клиническая и специальная психология*, 15(1), 64—78. <https://doi.org/10.17759/cpse.2026150105>

Identity and coping with traumatic experiences associated with the disclosure of the secret of adoption in adulthood

Yu.F. Chinareva¹ ✉, L.A. Aleksandrova^{1,2}

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ yuliachinareva@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Many Russian adoptive parents choose to hide the fact of adoption from their adopted children, guided by the law on secrecy of adoption in the Family Code of the Russian Federation. Moreover, according to the Criminal Code of the Russian Federation, even after reaching the age of majority and the death of adoptive parents, adopted children do not have the right to obtain information about their biological parents without the consent of their adoptive parents. In the context of the growing number of adoptions, scientists are faced with the challenge of studying the psychological consequences of maintaining a secret of adoption and its disclosure in adulthood. **Objective.** To study the stability of identity in adults who learn about their adoption, as a factor influencing coping with traumatic experience. **Hypotheses.** There are statistically significant relationships between the characteristics of coping with a traumatic situation related to the disclosure of the secret of adoption and the identity stability of adults who have learned about their adoption. Additional hypotheses: 1) there are statistically significant differences between adult adopted children in terms of how they disclose the secret of their adoption; 2) there are differences between adults who have learned about their adoption and adults without adoption experience.

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).
Особенности идентичности и совладание
с травматическим опытом у взрослых,
узнавших о своем усыновлении.

Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).
Identity and coping with traumatic
experiences associated with the disclosure
of the secret of adoption in adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

Methods and materials. The study involved adults who learned about their adoption ($M = 37.0$; $SD = 9.6$; 90.2% women) as the main group ($n = 61$); adults with no experience of adoption ($M = 43.1$; $SD = 10.5$; 82.3% women) as the control group ($n = 62$). To assess identity, the Identity Stability Index was used as adapted by Ya.A. Solovyeva and M.A. Odintsova. In addition, a battery of techniques was used to assess the features of experiencing traumatic experience and coping with them. **Results.** Statistically significant relationships were found between the coping characteristics in response to a psychotraumatic situations related to adoption secrecy disclosure and identity resilience of adults who learned about their adoption; statistically significant differences were observed in levels of identity resilience and posttraumatic growth, depending on the specifics of adoption disclosure within the group of adult adoptees, as well as between adults who learned about their adoption and adults without adoption experience. **Conclusions.** The identity resilience in the group of people who have learned about their adoption in adulthood significantly differs from that of the group with no experience of adoption, and differently correlates with indicators of coping with traumatic experience, which includes the disclosure of adoption secret in adulthood, depending on whether or not there are suspicions about their adoption. The results of the study will be useful not only to scientists and professional psychologists, but also to specialists in the field of family placement and foster parenting when choosing a strategy in the matter of the secret of adoption.

Keywords: adoption secrecy, disclosure of adoption in adulthood, adopted child, identity resilience, psychological trauma, coping, posttraumatic growth

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection the Community of adult adoptees.

For citation: Chinareva, Yu.F., Aleksandrova, L.A. (2026). Identity and coping with traumatic experiences associated with the disclosure of the secret of adoption in adulthood. *Clinical Psychology and Special Education*, 15(1), 64—78. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2026150105>

Введение

В современной психологии отсутствует единый подход к пониманию психологической травмы. Существуют различные классификации травматических событий: по значимости — ценностно-смысловой (В.Н. Мясищев) или субъективной (Ф.В. Бассин); по характеру и длительности (В.М. Кровяков) или протяженности/повторяемости (Н.В. Тарабрина); этиологическому фактору (Г.К. Ушаков), генезу (Э.Г. Исаева и А.Р. Сутаева), травматическим агентам (Б. Грин); по содержанию (Ф. Рупперт) и сфере воздействия (Е.С. Мазур) и др. Таким образом, травмы бывают универсальными (вызванными событиями, которые с большой вероятностью являются травматичными для большинства людей) и узкоспециальными (касающимися узкой группы населения и имеющими более субъективный характер).

На фоне роста числа усыновлений актуальность приобретает исследование психологических последствий раскрытия тайны во взрослом возрасте и выработка научного подхода к вопросу тайны усыновления.

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).

Особенности идентичности и совладание с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении.

Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).

Identity and coping with traumatic experiences associated with the disclosure of the secret of adoption in adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

65% россиян предпочитают сохранять усыновление в тайне (Зимова, 2017). Российское законодательство не только содержит статью о тайне усыновления, но и запрещает усыновленным после достижения совершеннолетия получать сведения о биологических родителях без согласия усыновителей.

Долгое время считалось, что сохранение тайны способствует формированию привязанности, а сведения о кровной семье могут травмировать ребенка. Однако со второй половины XX в. за рубежом стали активно проводиться исследования, выявившие негативные последствия тайны усыновления. Специалисты заговорили о том, что тайна «создает дистанцию, препятствует формированию чувства принадлежности» (Rosenberg, Groze, 1997, p. 526).

Последующие исследования приемных детей, воспитанных с тайной усыновления, показали, что для многих из них характерны спутанная идентичность (Л. Бушен; А. Сороски; А. Баран и Р. Паннор), трудности психологической адаптации и формирования идентичности (Д. Кирк), сниженная самооценка (Л. Мелина), сложности формирования целостного чувства собственного Я (Х. Сантс; Ф. Стоун; Дж. Триселиотис; П. Бриник; К. Кэй) (по Demick, Warner, 1988).

Отечественные ученые чаще фокусируются на особенностях семей, сохраняющих тайну (Жуйкова, Печникова, 2014), мотивации усыновителей (Лахвич, Головнева, 2015), жизнеспособности замещающей семьи (Лактионова, 2015; Махнач, 2022), чем на индивидуальных особенностях усыновленных, воспитанных с тайной усыновления.

Несмотря на высокую теоретическую и практическую значимость, в отечественной науке недостаточно разработана проблематика устойчивости идентичности лиц, узнавших во взрослом возрасте о своем усыновлении, и совладания с переживаниями, связанными с тайной, что препятствует развитию научного подхода к феномену тайны усыновления.

Данная работа посвящена изучению особенностей идентичности и совладания с травматическим опытом у усыновленных, узнавших о своем усыновлении во взрослом возрасте, при этом узнавание рассматривается как психотравмирующее событие. Такой подход позволяет не только выявить психологические последствия раскрытия тайны усыновления во взрослом возрасте и наметить направления психологической помощи усыновленным, но и сместить акцент с потребностей усыновителя (что пока характерно для отечественной системы семейного устройства) на интересы приемного ребенка.

Современные теоретико-методологические подходы к пониманию травматического опыта, совладания и устойчивости идентичности

Вопрос о том, почему одни и те же психотравмирующие события по-разному переживаются разными людьми, остается актуальным вопросом исследований. М.Ш. Магомед-Эминов отмечает, что в психологии «до сих пор продолжают господствовать модели психологической травмы и ПТСР, ориентированные на объяснение негативных аспектов и игнорирующие позитивные трансформации» (Магомед-Эминов, 2014, стр. 202).

Основоположники концепции посттравматического роста (далее ПТР) Р. Тедески и Л. Калхун определяют его как позитивные психологические изменения в результате борьбы с крайне сложными обстоятельствами (Tedeschi, Calhoun, 2004).

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).
Особенности идентичности и совладание
с травматическим опытом у взрослых,
узнавших о своем усыновлении.

Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).
Identity and coping with traumatic
experiences associated with the disclosure
of the secret of adoption in adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

М.Б. Калашникова и Е.А. Петрова называют ПТР «результатом использования совладающего поведения, актуализирующего внутренние ресурсы <...> и позволяющего успешно адаптироваться к новым жизненным обстоятельствам» (Калашникова, Петрова, 2022, с. 94).

Мы рассматриваем раскрытие тайны усыновления во взрослом возрасте как психотравмирующий опыт, опираясь на теорию структурной когнитивной психотерапии В. Гвидано и Дж. Лиотти. Согласно этой теории, базирующейся на теории привязанности Д. Боулби, индивидуальное знание личности о себе и окружающем мире имеет иерархическую структуру, где внизу иерархии — решение конкретных проблем индивида, на вершине — стратегические цели, а в центре — «неосознанные схемы, возникающие в детстве и отрочестве и содержащие обобщенную информацию об аспектах собственного Я и окружающего мира» (Падун, Котельникова, 2012, стр. 43). Убеждения относительно себя и мира называют базисными, именно они наиболее уязвимы к воздействию травматического стресса. Первым о воздействии травмы на глубинные представления о себе и мире заговорил в 1970-е гг. американский психиатр и исследователь М. Горовиц. Его идеи получили развитие в работах Р. Янофф-Бульман, согласно которой сложные обстоятельства представляют собой значительные вызовы для адаптивных ресурсов индивида и его способов понимания мира и своего места в нем (Падун, Котельникова, 2012).

«В одночасье индивид сталкивается с ужасом, порождаемым окружающим миром, а также с собственной уязвимостью и беспомощностью: существовавшая ранее уверенность в собственной защищенности и неуязвимости оказывается иллюзией, повергающей личность в состояние дезинтеграции <...>, преодоление которого заключается в восстановлении базисных убеждений» (Падун, Котельникова, 2012, стр. 50). На наш взгляд, это максимально точно описывает состояние взрослого, узнавшего о том, что его представление о своем происхождении не соответствует действительности, имя и дата рождения были изменены, его родители на самом деле не его родители, и где-то есть другие люди, которые произвели его на свет, его этническая принадлежность иная, а его сомнения и подозрения вовсе не являются заблуждением, как ему говорили раньше.

Н.Ю. Федунина и Е.В. Бурмистрова полагают, что «за категорией психической травмы стоит <...> страх перед разрушением личности» (Федунина, Бурмистрова, 2005, с. 184). Исследование совладания с психологической травмой тесно переплетается с феноменом идентичности.

Финская исследовательница П. Фадьюкофф выделяет три взгляда на идентичность: 1) Я-концепция, Я-идеальное и самооценка (Э. Эриксон, Дж. Марсиа); 2) принадлежность индивида к некой группе (А. Тэшфел); 3) взаимодополнение личностной и социальной идентичностей (Дж. Коте, К. Левин) (Fadjukoff, 2007).

В своей работе мы опирались на сформулированную в русле социальной идентичности ученицей Тэшфела Г. Брейквелл теорию динамики идентичности, которая характеризуется самооценкой, самоэффективностью, позитивной уникальностью и целостностью. При отсутствии адекватных механизмов совладания, низкий показатель по любому из четырех элементов ставит под угрозу идентичность и психологическое благополучие (Breakwell, Jaspal, Jaspal, 2022). Высокая устойчивость идентичности связана с более адаптивными стратегиями совладания в ситуациях неопределенности или угрозы (Breakwell, 2021).

В контексте совладания важен вопрос психологических ресурсов, среди которых Д.А. Леонтьев выделяет: 1) ресурсы устойчивости (дают уверенность в себе, устойчивую самооценку, внутреннее право на активность и принятие решений) — удовлетворенность жизнью, базисные убеждения и др.; 2) ресурсы саморегуляции (субъективный контроль над обстоятельствами, устойчивые ожидания положительного исхода, стратегии взаимодействия с неопределенностью, гибкость целеполагания) — самоэффективность, каузальные ориентации, локус контроля, ориентация на действие, толерантность к неопределенности, склонность к риску, рефлексия и др.; 3) мотивационные (энергетическое обеспечение действий по преодолению стрессовой ситуации); 4) инструментальные (способности, выученные навыки и компетенции, стереотипные тактики реагирования, в т.ч. психологические защиты) (Леонтьев, 2016).

Материалы и методы

Исследование проводилось через Интернет с сентября 2022 г. по март 2024 г. В основную группу ($n = 75$) вошли взрослые, узнавшие о своем усыновлении ($M = 36,8$, $SD = 9,4$, 92,0% женщин). Методика «Индекс устойчивости идентичности» была введена не с начала исследования, ее прошел 61 респондент ($n = 61$; $M = 37,0$; $SD = 9,6$; 90,2% женщин). Контрольная группа ($n = 62$) — взрослые от 22 до 73 лет ($M = 43,1$; $SD = 10,5$; 82,3% женщин) без опыта усыновления (19,6% имели опыт проживания с отчимом/мачехой).

В социобиографической анкете респондентам основной группы был задан вопрос: подозревали ли Вы, что являетесь приемным ребенком, до того, как узнали об этом? Предлагались варианты ответа на основе множественного выбора: ничего не подозревал; подозревал из-за внешнего несходства с приемными родителями; подозревал из-за негативного отношения ко мне приемных родителей; подозревал из-за непонятного поведения приемных родителей; подозревал из-за нестыковок в семейной истории; подозревал, т.к. меня посещали странные воспоминания или сны; подозревал, т.к. иногда у меня возникало необъяснимое чувство; другое. Результаты показали, что 70,7% респондентов подозревали о своем усыновлении, однако приемные родители сумели их разубедить.

Контрольной группе был задан вопрос о том, переживали ли они травмирующие ситуации, например аварии, угрозу здоровью/жизни, утраты, разрывы и др., и если переживали, то как давно.

В исследовании применялись следующие методики:

- Краткая шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС-6) (Impact of Event Scale-6 (IES-6)) (Hosey et al., 2019);
- Опросник посттравматического роста Р. Тедески и Л. Калхуна в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2007);
- Индекс устойчивости идентичности в адаптации Я.А. Соловьевой и М.А. Одинцовой (Соловьева, Одинцова, 2023);
- Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2020);
- Авторская анкета, направленная на сбор социобиографических данных в контексте характера раскрытия тайны усыновления.

Результаты

Для оценки переживаний, связанных с раскрытием тайны усыновления, в основной группе применялась сокращенная версия опросника ШОВТС (табл. 1). Шкала предназначена для оценки выраженности признаков ПТСР на основе самоотчета и включает три параметра: вторжение, избегание, физиологическая возбудимость. Два респондента основной группы не завершили прохождение данной методики, ее прошли 73 респондента. В контрольной группе данная методика не использовалась.

Как видно из таблицы 1, суммарный балл выраженности признаков ПТСР положительно связан с суммарным баллом ПТР ($p = 0,031$) и почти всеми его составляющими, кроме силы личности. Все признаки ПТСР отрицательно связаны с удовлетворенностью жизнью.

Таблица 1 / Table 1

Статистически значимые связи в основной группе: Шкала оценки влияния травматического события (n = 73)

Statistically significant relationships in the main group: Impact of Event Scale (n = 73)

		Вторжение / Intrusion	Избегание / Avoidance	Физиологическая возбудимость / Hyperarousal	Суммарный балл выраженности признаков ПТСР / Total score of PTSD symptoms severity
<i>Посттравматический рост / Posttraumatic Growth</i>					
Отношение к другим / Interpersonal relationship	r	0,223			0,238*
	p	0,058			0,043
Новые возможности / New possibilities	r	0,218	0,251*	0,290*	0,317**
	p	0,064	0,032	0,013	0,006
Духовное изменение / Spiritual development	r		0,267*	0,271*	0,261*
	p		0,023	0,020	0,026
Повышение ценности жизни / Greater appreciation of life	r				0,249*
	p				0,034
Суммарный балл ПТР / Total score of PTG	r			<u>0,227</u>	0,253*
	p			<u>0,054</u>	0,031
Удовлетворенность жизнью / Satisfaction with life	r	-0,330**	-0,272*	-0,401**	-0,403**
	p	0,004	0,020	0,000	0,000
<i>Устойчивость идентичности / Identity Resilience</i>					
Самооценка / Self-esteem	r	-0,273*		-0,439**	-0,407**
	p	0,033		0,000	0,001
Самозффективность / Self-efficacy	r			-0,302*	-0,254*
	p			0,018	0,048

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); «**» — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя); r — коэффициент корреляции, p — значимость (двусторонняя), подчеркивание — значимость на уровне тенденций (двусторонняя).

Note: «*» — correlation is significant at the 0.01 level (two-sided); «**» — correlation is significant at the 0.05 level (two-sided); r — correlation coefficient, p — significancy (two-sided), underline — significance at the tendency level (two-sided).

Самооценка и самоэффективность отрицательно связаны с выраженностью признаков ПТСР в основной группе (табл. 1) и положительно в обеих группах связаны с ПТР, однако содержание этих связей различается в основной и контрольной группах (табл. 2).

Удовлетворенность жизнью в обеих группах положительно связана с самооценкой, а в контрольной группе также и с самоэффективностью.

В основной группе все показатели идентичности значимо положительно связаны друг с другом, тогда как в контрольной группе целостность не связана ни с одним из других показателей идентичности (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Статистически значимые связи в основной (n = 61) и контрольной (n = 62) группах
Statistically significant relationships in the main (n = 61) and control (n = 62) groups

	Основная группа (усыновленные) / Main group (adopted)				Контрольная группа / Control group			
	Самооценка / Self-esteem	Самоэффективность / Self-efficacy	Целостность / Continuity	Позитивная уникальность / Positive distinctiveness	Самооценка / Self-esteem	Самоэффективность / Self-efficacy	Целостность / Continuity	Позитивная уникальность / Positive distinctiveness
<i>Посттравматический рост / Posttraumatic Growth</i>								
Отношение к другим / Interpersonal relationship	r	0,240	0,276*					
	p	0,062	0,031					
Новые возможности / New possibilities	r				0,379**			0,329**
	p				0,002			0,009
Сила личности / Sense of personal strength	r	0,259*	0,260*		0,295*			
	p	0,044	0,043		0,020			
Суммарный балл ПТР / Total score of PTG	r	0,284*			0,291*			
	p	0,027			0,022			
Удовлетворенность жизнью / Satisfaction with life	r	0,529**			0,465**	0,259*		
	p	0,000			0,000	0,042		
<i>Устойчивость идентичности / Identity Resilience</i>								
Самооценка / Self-esteem	r		0,447**		0,473**		0,504**	0,477**
	p		0,000		0,000		0,000	0,000
Самоэффективность / Self-efficacy	r	0,447**		0,425**	0,427**	0,504**		0,301*
	p	0,000		0,001	0,001	0,000		0,017
Целостность / Continuity	r		0,425**					
	p		0,001					
Позитивная уникальность / Positive distinctiveness	r	0,473**	0,427**		0,477**	0,301*		
	p	0,000	0,001		0,000	0,017		

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); «**» — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя); r — коэффициент корреляции, p — значимость (двусторонняя).

Note: «*» — correlation is significant at the 0.01 level (two-sided); «**» — correlation is significant at the 0.05 level (two-sided); r — correlation coefficient, p — significance (two-sided).

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).
Особенности идентичности и совладание
с травматическим опытом у взрослых,
узнавших о своем усыновлении.
Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).
Identity and coping with traumatic
experiences associated with the disclosure
of the secret of adoption in adulthood.
Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

Далее рассмотрены статистически значимые различия внутри основной группы и между основной и контрольной группами. Результаты представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3 / Table 3

Статистически значимые различия между респондентами внутри основной группы, подозревавшими и не подозревавшими о своем усыновлении (n = 61)
Statistically significant differences between the participants who suspected and those who didn't suspect about their adoption (n = 61)

Показатели и статистические критерии / Indicators and statistical criteria	Самооценка / Self-esteem	Целостность / Continuity
Не подозревали / Had no suspicions (n = 19)	Средний ранг / Middle rank 23,97	17,61
Подозревали / Had suspicions (n = 42)	Средний ранг / Middle rank 34,18	37,06
Статистические критерии: группирующая переменная — наличие подозрений / Statistical criteria: Grouping variable – Suspicions	U Манна-Уитни / Mann–Whitney U test 265,500	144,500
	W Уилкоксона / Wilcoxon signed-rank test 455,500	334,500
	Z -2,088	-4,002
	Асимп. знач. (двусторонняя) / Asymptotic value (two-sided) 0,037**	0,000***

Примечание: «**» — значимость $p < 0,05$ (двусторонняя); «***» — значимость $p < 0,001$ (двусторонняя).

Note: «**» — significance at the 0.05 level (two-sided); «***» — significance at the 0.001 level (two-sided); r — correlation coefficient, p — significancy (two-sided).

Таблица 4 / Table 4

Статистически значимые различия между основной и контрольной группами
Statistically significant differences between the main and control groups

Показатели / Indicators	Отношение к другим / Interpersonal relationship	Повышение ценности жизни / Greater appreciation of life	Самооценка / Self-esteem
Усыновленные / Adopted	n = 75	n = 75	n = 61
Контрольная группа / Control Group	n = 62	n = 62	n = 62
Усыновленные (средний ранг) / Adopted (Mean Rank)	62,93	60,59	54,70
Контрольная группа (средний ранг) / Control Group (Mean Rank)	76,35	79,18	69,19
U Манна-Уитни / Mann–Whitney U test	1869,500	1694,000	1445,500
W Уилкоксона / Wilcoxon signed-rank test	4719,500	4544,000	3336,500
Z	-1,974	-2,738	-2,262
Асимп. знач. (двухсторонняя) / Asymptotic value (two-sided)	0,048*	0,006**	0,024*

Примечание: «**» — значимость $p < 0,05$ (двусторонняя); «***» — значимость $p < 0,001$ (двусторонняя).

Note: «**» — significance at the 0.05 level (two-sided); «***» — significance at the 0.001 level (two-sided); r — correlation coefficient, p — significancy (two-sided).

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).
Особенности идентичности и совладание
с травматическим опытом у взрослых,
узнавших о своем усыновлении.

Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).
Identity and coping with traumatic
experiences associated with the disclosure
of the secret of adoption in adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

Анализ данных по переменной «наличие подозрений о своем усыновлении» при помощи U-критерия Манна–Уитни и W-критерия Уилкоксона показал наличие статистически значимых различий в самооценке ($p = 0,037$) и целостности ($p = 0,000$). Оба параметра ниже у тех, кто не подозревал (табл. 3).

Между двумя группами выявлены статистически значимые различия в отношении к другим ($p = 0,048$) и повышении ценности жизни ($p = 0,006$), а также в самооценке ($p = 0,024$). Все перечисленные показатели оказались ниже в группе взрослых, узнавших о своем усыновлении (табл. 4).

Обсуждение результатов

В результате исследования выявлены следующие особенности идентичности и совладания с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении.

1. Показатели устойчивости идентичности

Показатели идентичности по Г. Брейквелл включают самооценку (субъективную оценку своей ценности), самоэффективность (представление о своей способности справиться при помощи имеющихся навыков), позитивную уникальность (выявление различий между собой и окружающими по социально одобряемым критериям), целостность (ощущение своей одинаковости в пространственно-временном континууме) (Breakwell, Jaspal, 2021).

Сравнение средних рангов показало, что у взрослых, узнавших о своем усыновлении, самооценка ниже, чем у взрослых без опыта усыновления. Ряд зарубежных исследователей (К. Демп, Дж. Хупс, Дж. Пэйтон, Дж. Триселиотис) также указывают на связь между статусом усыновленного и негативной самооценкой (Demick, Warner, 1988).

Кроме того, у усыновленных, не подозревавших об усыновлении, ниже самооценка и целостность, что может говорить о недостаточности психологических ресурсов для совладания с психотравмирующим событием, связанным с раскрытием тайны, и невозможности интегрировать полученные сведения.

В отличие от контрольной группы, где целостность не коррелирует с остальными показателями идентичности, у основной группы целостность положительно связана с самоэффективностью. Иными словами, у группы усыновленных вера в свою способность справиться с ситуацией связана с возможностью интегрировать прошлую, настоящую и будущую конфигурации своей идентичности, и если травма, по Р. Тедески и Л. Калхуну, разбивает жизнь на до и после, то подобная интегрированность может говорить о восполнении этого разрыва.

2. Посттравматический рост как отражение совладания с травматическим опытом

В основной группе самоэффективность и целостность положительно связаны с силой личности, а целостность — с отношением к другим, что указывает на важную роль целостности и самоэффективности в процессе ПТР у группы усыновленных. Р. Тедески и Л. Калхун описывают силу личности как осознание своей силы: «То, что раньше составляло для меня серьезную проблему, больше таковой не является» (Tedeschi, Calhoun, 2004, p. 6). Сквозь эту призму объяснима связь между силой личности и самоэффективностью (я в состоянии справиться) и силой личности и целостностью (интегрируя опыт прошлого в свое настоящее, я чувствую свою силу). Изменение отношения к другим может означать как появление более

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).
Особенности идентичности и совладание
с травматическим опытом у взрослых,
узнавших о своем усыновлении.

Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).
Identity and coping with traumatic
experiences associated with the disclosure
of the secret of adoption in adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

теплых и значимых отношений, так и разрыв одних отношений и появление других. Выявленная в основной группе связь между отношением с окружающими и целостностью может указывать на высокую значимость отношений в процессе совладания для данной выборки.

Для сравнения: в контрольной группе позитивная уникальность и самооценка положительно связаны с силой личности и новыми возможностями (обнаружение нового жизненного пути или возможностей). Подобное отличие между основной и контрольной группами может указывать на разные механизмы ПТР в этих выборках и при различном травматическом опыте.

3. Удовлетворенность жизнью как показатель эффективности совладания с травматическим опытом у лиц, узнавших о своем усыновлении

В основной группе удовлетворенность жизнью положительно коррелирует с самооценкой, а в контрольной — с самооценкой и самоэффективностью, что говорит о вкладе самооценки в субъективное благополучие в группе усыновленных. Субъективное благополучие представляет собой генерализованную оценку субъектом того, насколько его жизнь близка к желаемой (Осин, Леонтьев, 2020).

Заключение

Полученные результаты подтверждают основную гипотезу о наличии статистически значимых взаимосвязей между особенностями совладания с психотравмирующей ситуацией, связанной с раскрытием тайны усыновления, и устойчивостью идентичности взрослых, узнавших о своем усыновлении.

Подтверждены и дополнительные гипотезы: 1) о наличии у взрослых усыновленных статистически значимых различий в зависимости от особенностей раскрытия тайны усыновления; 2) о различиях между взрослыми, узнавшими о своем усыновлении, и взрослыми без опыта усыновления. Обнаруженные между группами различия свидетельствуют о том, что у усыновленных могут формироваться специфические механизмы совладания и ПТР, обусловленные особенностями их идентичности и/или особенностями самой психотравмирующей ситуации, возникшей в результате раскрытия тайны усыновления.

Полученные результаты подтверждают выводы зарубежных исследователей о наличии связи между статусом усыновленного и негативной самооценкой. При этом результаты нашего исследования указывают на важную роль самооценки и самоэффективности в субъективном благополучии и процессе ПТР.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на углубленное изучение причинно-следственных механизмов совладания с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении. В частности, важно изучить этиологию и динамику совладания с травмой, связанной с раскрытием тайны усыновления. Например, глубже исследовать связи между выраженностью признаков ПТСР и ПТР, возрастом узнавания, давностью узнавания о своем усыновлении, возможную зависимость выраженности признаков ПТСР, проявлений ПТР и показателей, отражающих различные аспекты устойчивости идентичности, от способов, источников и обстоятельств узнавания о своем усыновлении; изучить разницу в механизмах ПТР в основной и контрольной группах в зависимости от специфики травматического опыта. Важно проанализировать взаимосвязи между характером восприятия отношений с приемными родителями, устойчивостью идентичности и травматичностью опыта узнавания о своем усыновлении.

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026). Особенности идентичности и совладание с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении. *Клиническая и специальная психология*, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026). Identity and coping with traumatic experiences associated with the disclosure of the secret of adoption in adulthood. *Clinical Psychology and Special Education*, 15(1), 64—78.

Данное исследование вносит вклад в формирование теоретической базы развития научного подхода к феномену тайны усыновления в отечественной психологии и расширяет теоретические представления о механизмах формирования идентичности в условиях раскрытия тайны усыновления во взрослом возрасте.

Ограничения. Несбалансированность выборки по полу с преобладанием женщин; возрастные различия основной и контрольной групп.

Limitations. Unbalanced sample by gender (predominance of women); age differences between main and control groups.

Список источников / References

1. Жуйкова, Е.Б., Печникова, Л.С. (2014). К вопросу о психологических особенностях семей, сохраняющих тайну усыновления. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 7(2), 22—28.
Zhuykova, E.B., Pechnikova, L.S. (2014). Psychological features of families keeping the secrecy of adoption. *Bulletin of the South Ural State University, Series: Psychology*, 7(2), 22—28. (In Russ.).
2. Зимова, Ю.К. (2017). Социологический анализ запросов потенциальных приемных родителей. *Вестник экономики, права и социологии*, 2, 151—158.
Zimova, Y.K. (2017). Sociological analysis of requests of potential adoptive parents. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2, 151—158. (In Russ.).
3. Калашникова, М.Б., Петрова, Е.А. (2022). Особенности защитного и совладающего поведения взрослых, имеющих травмирующий опыт. *Общество: социология, психология, педагогика*, 5(97), 93—98. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.5.13>
Kalashnikova, M.B., Petrova, E.A. (2022). Features of protective and coping behavior of adults with traumatic experience. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 5(97), 93—98. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.5.13>
4. Лактионова, А.И. (2015). Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка-сироту. В: А.В. Махнач, К.Б. Зуев (ред.), *Семья, брак и родительство в современной России, вып. 2* (с. 225—242). М.: Институт психологии РАН.
Laktionova, A.I. (2015). Features of an effective foster family raising an orphan teenager. In: A.V. Makhnach, K.B. Zuev (Eds.), *Family, marriage and parenting in modern Russia, Vol. 2* (pp. 225—242). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
5. Лахвич, Ю.Ф., Головнёва, О.С. (2015). *Психологическая диагностика адаптации детей и родителей к усыновлению: пособие для педагогов-психологов, педагогов социально-педагогических учреждений, специалистов органов охраны детства управлений (отделов) образования, спорта и туризма*. Минск: Национальный институт образования.
Lakhvich, Y.F., Golovneva, O.S. (2015). *Psychological diagnostics of adaptation of children and parents to adoption: a manual for educational psychologists, teachers of social and pedagogical institutions, specialists of child protection agencies of departments (sections) of education, sports and tourism*. Minsk: National Institute of Education. (In Russ.).
6. Леонтьев, Д.А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, 62, 18—37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
Leontiev, D.A. (2016). Self-regulation, resources and personal potential. *Siberian Psychological Journal*, 62, 18—37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026). Особенности идентичности и совладание с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении. *Клиническая и специальная психология*, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026). Identity and coping with traumatic experiences associated with the disclosure of the secret of adoption in adulthood. *Clinical Psychology and Special Education*, 15(1), 64—78.

7. Магомед-Эминов, М.Ш. (2007). *Феномен экстремальности*. М.: ПАРФ.
Magomed-Eminov, M.S. (2007). *Phenomenon of extremality*. Moscow: PARF. (In Russ.).
8. Магомед-Эминов, М.Ш. (2014). Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы. *Теория и практика общественного развития*, 17, 202—207.
Magomed-Eminov, M.S. (2014). Analysis of modern models of psychological trauma in the context of cultural-activity paradigm. *Theory and Practice of Social Development*, 17, 202—207. (In Russ.).
9. Махнач, А.В. (2015). Психологические проблемы международного усыновления. В: А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых (ред.), *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект* (с. 301—340). М.: Институт психологии РАН.
Makhnach, A.V. (2015). Psychological problems of international adoption. In: A.V. Makhnach, A.M. Prikhozhan, N.N. Tolstykh (Eds.), *The problem of orphanhood in modern Russia: Psychological aspect* (pp. 301—340). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
10. Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения*, 1(155), 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 117—142. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
11. Падун, М.А., Котельникова, А.В. (2012). *Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика*. М.: Институт психологии РАН.
Padun, M.A., Kotelnikova, A.V. (2012). *Psychological trauma and the world view: Theory, empiricism, practice*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
12. Соловьёва, Я.А., Одинцова, М.А. (2023). Адаптация методики «Индекс устойчивости идентичности» на русскоязычной выборке. *Актуальные проблемы психологического знания*, 2(63), 25—47. https://doi.org/10.51944/20738544_2023_2_21
Solovyeva, Y.A., Odintsova, M.A. (2023). Adaptation of the “Identity Stability Index” methodology to a Russian-language sample. *Actual Problems of Psychological Knowledge*, 2(63), 25—47. (In Russ.). https://doi.org/10.51944/20738544_2023_2_21
13. Федунина, Н.Ю., Бурмистрова, Е.В. (2005). Психическая травма. К истории вопроса. *Московский психотерапевтический журнал*, 13(2), статья 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2005_n2/cpp_2005_n2_2600.pdf (дата обращения: 02.09.2025).
Fedunina, N.Y., Burmistrova, E.V. (2005). Psychological trauma. Towards the history of the issue. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, 13(2), art. 1. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2005_n2/cpp_2005_n2_2600.pdf (viewed: 02.09.2025).
14. Breakwell, G. (2021). Identity resilience: its origins in identity processes and its role in coping with threat. *Contemporary Social Science*, 16(5), 573—588. <https://doi.org/10.1080/21582041.2021.1999488>

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026). Особенности идентичности и совладание с травматическим опытом у взрослых, узнавших о своем усыновлении. *Клиническая и специальная психология*, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026). Identity and coping with traumatic experiences associated with the disclosure of the secret of adoption in adulthood. *Clinical Psychology and Special Education*, 15(1), 64—78.

15. Breakwell, G., Jaspal, R. (2021). Identity change, uncertainty and mistrust in relation to fear and risk of COVID-19. *Journal of Risk Research*, 24(3–4), 335—351. <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1864011>
16. Breakwell, G., Jaspal, E., Jaspal, R. (2022). The identity resilience index: development and validation in two UK samples. *Identity*, 22(2), 166—182. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1957895>
17. Demick, J., Wapner, S. (1988). Open and closed adoption: A developmental conceptualization. *Family Process*, 27(2), 229—249. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1988.00229.x>
18. Fadjukoff, P. (2007). *Identity Formation in Adulthood*. Jyvaskyla: University of Jyvaskyla.
19. Hosey, M., Leoutsakos, J.-M., Li, X., Dinglas, V., Bienvenu, O., Parker, A., Hopkins, R., Needham, D., Neufeld, K. (2019). Screening for posttraumatic stress disorder in ARDS survivors: Validation of the Impact of Event Scale-6 (IES-6). *Critical Care*, 23, art. 276. <https://doi.org/10.1186/s13054-019-2553-z>
20. Rosenberg, K., Groze, V. (1997). The impact of secrecy and denial in adoption: Practice and treatment issues. *Families in Society the Journal of Contemporary Human Services*, 78(5), 522—530. <https://doi.org/10.1606/1044-3894.822>
21. Tedeschi, R., Calhoun, L. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15(1), 1—18. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1501_01

Информация об авторах

Юлия Феликсовна Чинарёва, аспирант, Департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ); психолог благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7681-3993>, e-mail: yuliachinareva@gmail.com

Лада Анатольевна Александрова, кандидат психологических наук, ведущий аналитик Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент факультета социальных наук Департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: ladaleksandrova@mail.ru

Information about the authors

Yulia F. Chinareva, Postgraduate Student, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Psychologist, Charity Fund “Volunteers to Help Orphans”, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7681-3993>, e-mail: yuliachinareva@gmail.com

Lada A. Aleksandrova, Candidate of Science (Psychology), Leading Analyst of the Federal Coordination Center for the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation, Associate Professor, Moscow State University of Psychology and

Чинарёва Ю.Ф., Александрова Л.А. (2026).
Особенности идентичности и совладание
с травматическим опытом у взрослых,
узнавших о своем усыновлении.

Клиническая и специальная психология, 15(1), 64—78.

Chinareva Yu.F., Aleksandrova L.A. (2026).
Identity and coping with traumatic
experiences associated with the disclosure
of the secret of adoption in adulthood.

Clinical Psychology and Special Education, 15(1), 64—78.

Education, Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: ladaleksandrova@mail.ru

Вклад авторов

Чинарёва Ю.Ф. — идеи исследования; аннотирование, планирование и контроль за проведением исследования; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи; визуализация результатов исследования.

Александрова Л.А. — планирование исследования; контроль за проведением исследования; применение статистических методов анализа данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Yulia F. Chinareva — ideas; annotation, planning and control over the research; data collection and analysis; writing and design of the manuscript; visualization of research results.

Lada A. Aleksandrova — planning of research; control over the research; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (протокол от 10.01.2025 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Moscow State University of Psychology and Education (report from 2025/01/10).

Поступила в редакцию 14.09.2025

Поступила после рецензирования 25.12.2025

Принята к публикации 17.02.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.09.14

Revised 2025.12.25

Accepted 2026.02.17

Published 2026.03.30